

Маслова Анна Геннадьевна

Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров)
ag.maslova@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Н.М. КАРАМЗИНА В КОНТЕКСТЕ МАСОНСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

В статье дается характеристика индивидуальных особенностей интерпретации Карамзиным существенных для масонского мироощущения поэтических образов, представленных в поэзии масонских журналов «Утренний свет» (1777–1780) и «Вечерняя заря» (1782): мрачного пространства земной жизни и светлого небесного мира вечности. Показывается, что данные образы в творчестве Карамзина наполняются новыми смыслами, существенными для авторской концепции жизни, отличающейся от масонской философии.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, Н.М. Карамзин, масонская поэзия, философская лирика.

В начале своего творческого пути, в 1780-е годы, Н.М. Карамзин был тесно связан с кругом московских масонов, к которому принадлежали Н.И. Новиков и А.М. Кутузов. Несмотря на то что, отправившись в путешествие по Европе, начинающий литератор разрывает все связи с этим течением, нравственное воздействие Новикова и Кутузова на молодого поэта было очень велико. Как справедливо замечает Ю.М. Лотман, в поэзии Карамзина, в особенности в 1790-е годы, сохраняется идущий от масонского субъективизма «повышенный интерес к психологии, внутреннему миру человека, стремление рассматривать этот

внутренний мир вне связи его с действительностью» [6, с. 26]. Стоит обратить внимание на тот факт, что Карамзин, как заметил исследователь А. Кросс, в 1791 году обращается к переделке идиллии одного из своих любимейших немецких поэтов Соломона Геснера «Der Sturm», усиливая моральную сторону произведения немецкого автора [5, с. 217–218]. Заострение внимания на морально-этическом значении поэтического текста (в данном случае – утверждение принципа необходимости довольствоваться своей судьбой и не мучить себя воображением об отдаленных удовольствиях) выявляет внутреннюю связь Карамзина с этической

позицией масонов. Безусловно, наряду с внутренней типологической близостью эстетической позиции Карамзина к характерной для масонства трактовке человека, ощущается и влияние поэтики масонских произведений на творчество Карамзина.

Задачей данного исследования является выявление индивидуальных особенностей интерпретации Карамзиным существенных для масонского мироощущения поэтических образов и символов, представленных в поэзии масонских журналов «Утренний свет» и «Вечерняя заря», вышедших в типографии Н.И. Новикова в период с 1777 по 1782 годы.

Одним из сквозных мотивов в стихотворениях Карамзина различных периодов является мотив осмысления земного человеческого существования и смерти. Эти же темы являлись ведущими в масонской поэзии.

Жизнь земная ассоциируется в масонской поэзии с пространством мрака, изгнания, узами, ограничивающими свободный полет светлой души к Богу. Путь земной жизни воспринимается масонскими поэтами как путь к смерти, освобождающей душу и ведущей к вечному бытию в гармоничном Божественном пространстве. Наиболее ярко эта идея выражена в стихотворении неизвестного автора «Размышление стремящегося к вечности», опубликованном в «Вечерней заре»:

А жители земли в изгнании своем
Скучают, мучатся злосчастливым житием <...>
Когда телесные расторгну узы я?
Когда ко Господу перейдет душа моя?
О Боже мой! Когда к Тебе я вознесуся?
Тобой возвеселюсь, с тобою сообщуся?
Когда я истинну свободу получу,
И душу от страстей телесных отлучу?

[3, с. 306–307].

И в этом, и во многих других стихотворениях масонов, связанных с размышлениями о смерти, отражается кодекс правил поведения (или обязанностей) «вольного каменщика», в котором один из пунктов предписывает любовь к смерти. Как отмечает С.В. Аржанухин, описывающий метафизику и нравственную философию масонов, это правило связано с осознанием того, что «смерть не есть небытие». Масон должен часто размышлять о смерти, посещать страждущих, ходить на погребения, чтобы познать, что смерть – не внезапное и нечаянное событие земной жизни, но известное и ожидаемое, что смерть – «подательница Света», а Свет – «реальный аспект Божества» [1, с. 176–177].

«Любовь к смерти» выражается в многочисленных поэтических противопоставлениях земной жизни Божественному небесному миру, ночи плотского бытия – духовному свету вечности. Наиболее ярко противостояние небесного и земного миров выражается через антитезу света / тьмы, являющуюся важнейшей не только в масонской поэзии, но и в религиозно-духовной литературе в целом. На-

звания изданий «Утренний свет» и «Вечерняя заря» тесно связаны с данной символикой. Хронотопические образы вечерней и утренней смены дня и ночи отражают переходное состояние души «вольного каменщика», стремящейся из мрака греховного земного мира к свету Божественного бытия.

В творчестве Карамзина проявляется близкое к масонскому мироощущение. В стихах Карамзина 1780-х годов часто появляется хронотопический образ «здесь», подразумевающий земное пространство. Сквозным становится этот образ в стихотворении «Часто здесь в юдоли мрачной...» (1787):

Ты здесь странник, не хозяин,
Все оставить должен ты.
Будь уверен, что здесь счастье
Не живет между людей;
Что здесь счастьем называют,
То едина счастья тень [4, с. 56].

В послании «Господину Д<митрию> на болельзнь его» (1788) вновь появляется образ «юдоли»: «В стране подлунной все томится, / В юдоли сей покоя нет» [4, с. 65]. «Мы живем в печальном мире...» – утверждает автор в стихотворении «Веселый час» (1791) и эту же строчку помещает в стихотворное посвящение к альманаху «Аглая» (1795). «Пристанища в сем мире нет», – повторяет автор и в более позднем стихотворении «К добродетели» (1802). Такое негативное восприятие земного бытия человека сопоставимо с поэтическими размышлениями «вольных каменщиков».

Мир «здесь», согласно мировосприятию Карамзина, распадается на царство природы, живущее по Божественным законам, и мир человеческой жизни, в котором не существует гармонии. В «Весенней песни меланхолика» (1788) рисуется картина природы, радующейся приходу весны, и этому настроению противопоставляется внутреннее состояние «печалью отягченного» человека, «уныло» бродящего по лесам. Осень (в стихотворении «Осень») навеивает тоскливые мысли о всеобщем увядании, но природа «обновится весною, / С гордой улыбкой восстанет / В брачной одежде» [4, с. 79]. Для человека же осень – лишь напоминание о собственном увядании и невозможности возвращения молодости.

Можно сравнить поэтическую концепцию Карамзина с опубликованными в «Утреннем свете» «Стансами» («Взирая на поля, на рощи, на луга...»), в которых полное тревоги и горести человеческое пребывание на земле противопоставляется всему радующемуся жизни миру, поэтому автор уверен, что для человека «другой назначен век, где он почувствует, сколь счастлив человек» [8, с. 79].

В то же время в поэзии Карамзина проявляется не свойственное масонам глубоко скептическое отношение к человеку. В стихотворении «Весеннее чувство» (1793) поэт противопоставляет расцветающую весной любовь, властвующую в природе («Любовь! везде твоя держава; / Везде твоя сияет

слава, / Земля есть твой огромный храм» [4, с. 115]), жизни человека, который не поддается власти любви и затевает войну, разрушая гармонию весеннего цветения безумными убийствами «себе подобных». Можно говорить, что уже в начале 1790-х годов появляется в творческом сознании Карамзина мысль о далеко не доброй природе человека. Мрачная ирония слышится в строках, повторяющих идею масонов о величественном замысле Творца, создавшего человека «по образу и подобию своему»:

Бессмертный человек!.. созданный
Собой натуру украшать,
Любимец Божества избранный!
Венец творения и цвет!
Когда Природа оживает,
Любовь сердца зверей питает,
Он кровь себе подобных льет,
Безумства мраком ослепленный
И адской желчью упоенный,
Терзает братьев и друзей [4, с. 115–116].

Миру человеческой жизни «здесь» противопоставляется не только мир природы, где царят Божественные законы, но и пространство «там», в небесах, за пределом смерти: «Счастье истинно хранится / выше звезд, на небесах; / Здесь живя, ты не можешь / Никогда найти его» [4, с. 57]. Страдание не вечно, ведь после смерти «в странном блаженства вознесем, / Где нет болезни, смерти нет» [4, с. 65].

Земная жизнь человека в поэзии Карамзина и в раннем творчестве, и в более поздние годы оценивается негативно. Неоднократно во многих стихах звучит мысль о невозможности счастья на земле или о его кратковременности (кроме уже рассмотренных произведений, можно назвать «Послание к Дмитриеву», 1794; «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву», 1794; «Надежда», 1796; «Опытная Соломонова мудрость», 1796; «Долина Иосафатова, или Долина Спокойствия», 1796; «К Добродетели», 1802; «Берег», 1802).

Согласно масонскому мировосприятию, земная жизнь – «суета суетств и всяческая суета», закрывающая дорогу к блаженству, потому что «К напастям в свете лишь отворены врата, / Все в свете как бы сон, все в свете суета» [2, с. 29]. Образ жизни-сна был широко представлен в барочной поэзии, и именно на нее ориентировались масонские авторы.

Ощущение земной жизни как сна характерно и для лирического героя карамзинской лирики. Вспоминая прошедшие годы в «Письме к И.И. Дмитриеву» (1787), Карамзин пишет:

Но все, мой друг, мне все казалось время сном –
Бывали страшны сны, бывали и приятны;
Но значат ли что сны? Не суть ли только дым? [4, с. 56].

Принято считать, что взгляды Карамзина близки масонскому мироощущению лишь в ранний период творчества, однако ощущение жизни как сна сохраняется и в самых поздних стихотворениях автора. В коротеньком посвящении «Лизе в день

ее рождения» (1820) поэт пишет: «Здесь все мечта и сон; но будет пробужденье!» [4, с. 312]. В кратком двустишии 1825 года Карамзин вновь затрагивает тему жизни-сна: «Не сон ли жизнь и здешний свет? / Но тот, кто видит сон, – живет» [4, с. 314]. Таким образом, еще один символ, использованный масонами для изображения человеческого земного бытия, проникает в поэзию Карамзина.

При изображении земной жизни человека Карамзин использует широко распространенный в масонской поэзии и в поэтической традиции различных эпох образ бушующего моря, а смерть в данном случае ассоциируется с берегом и пристанью, несущей успокоение и отдых. В «Надгробной песни Перуанцев», опубликованной в «Утреннем свете», земная жизнь представляется небольшой ладьей в бурном море, а смерть – безопасной пристанью: «От бури ладью в волнах несому зри; / Спасенна, в пристани, спокойна, безопасна. / Подобно морям жизнь и бурю вобрази: / Да будет жизнь тебе, не смерть твоя ужасна» [7, с. 190]. Автор произведения учит любить смерть, ведь «оковы снимет смерть» и «смертию пойдешь ты в вечное блаженство» [7, с. 191, 194]. В оде «Къ» неизвестный автор, рассуждая о жизни и смерти, также использует традиционный образ ладьи, несущейся по морю, а смерть дает случай «навек быть горести лишенным / И быти некогда вмещенным / В исполненный утехи рай» [9, с. 269].

В стихотворении Карамзина «Берег» (1802) присутствуют те же образы бушующего моря и тихой пристани: «Жизнь! ты море и волнение! / Смерть! ты пристань и покой! Будет там соединенье / разлученных здесь волной» [4, с. 286]. Безусловно, эти образы характерны не только для масонской традиции, представление о жизни как плавании по морским волнам – архетипический образ, традиционный для многих культур, и однозначно соотносить стихотворение Карамзина с масонскими текстами мы не можем, но для нас в данном случае важна общая негативная трактовка земного бытия человека и осмысление смерти как освобождения от земных страданий.

Стремясь отразить в поэзии неоднозначность человеческой психологии, Карамзин представляет и иной взгляд на «тот» мир. В стихотворении «Кладбище» (1792) звучат два голоса. Для одного кладбище – «мертвая юдоль», страшное пространство, заполненное соответствующими, вселяющими ужас реалиями: воюющие ветры, мрак, кости, черепа, черви, черные вороны, хищные звери, духота и безжизненность. Для другого – это «обитель вечного мира», где царят свет, спокойствие и тишина, цветут прекрасные благоухающие фиалки, жасмины и лилии, нежно поют птички, отдыхают кролики и голуби (животные и птицы, противопоставленные хищникам, упоминаемым первым голосом, своим мирным, неагрессивным ти-

пом поведения). Второй взгляд ближе масонскому мироощущению, и именно он в наибольшей степени представлен в поэзии Карамзина.

Как можно убедиться, масонское правило воспитания в душе «любви к смерти» оказывается важным и для карамзинской концепции жизни человека. Поэт использует широко распространенные в поэзии масонов противопоставления мрачного мира земной жизни светлomu миру небесного бытия, мотив «жизнь есть сон», образы морской стихии и тихой пристани. Концептуальным в поэзии Карамзина становится мотив ожидания смерти, которая принесет желанное спокойствие. Новым по сравнению с масонской интерпретацией мотива «любви к смерти» является у Карамзина связь этого мотива с любовной темой и темой дружбы: смерть дает человеку надежду на встречу в ином мире с умершими друзьями и возлюбленными. В 1803 году поэт пишет «Стихи на скоропостижную смерть Петра Афанасьевича Пельского», в которых упоминает о скончавшейся ранее супруге умершего и о том, какое горе испытывал оплакивавший любимую женщину друг автора. В этом мире любая «радость есть приготовлень / К утратам и печалям вновь», и может ли быть «в благах совершенство», если даже любовь «готовит только сожалень / И гаснет завсегда в слезах», потому что один из любящих так или иначе обречен проливать слезы на могиле возлюбленной или возлюбленного [4, с. 297]. Такое представление о земном бытии человека закономерно ведет поэта к прославлению иного мира, где все умершие соединятся со своими близкими и будут навечно неразлучны:

Надежда смертных утешает,
Что мир другой нас ожидает:
Сей свет пустыня перед ним!
Там все, кого мы здесь любили <...>
И с теми, коих здесь оставим,
Мы разлучимся лишь на час.
Земля гостиница для нас! [4, с. 297–298].

Таким образом, в поэтическом творчестве Карамзина широко представлена поэтическая образность, использовавшаяся поэтами-масонами для передачи своего мироощущения. Свойственная масонам «любовь к смерти» художественно воплощается в образах, создающих положительное восприятие иного мира, ожидающего человека после смерти: пространство света, Божественные чертоги, тихая пристань. Противопоставляется тому

миру пространство земного человеческого бытия, негативно представленное в образах пространства изгнания, мрака, оков, сна, непредсказуемой морской стихии. В творчестве Карамзина воссоздается подобное же отношение к земной жизни человека, для изображения которой используется сквозной в поэзии Карамзина образ мрачной юдоли и пространства печали. Как и в масонской поэзии, жизнь в этом мире представляется сном или ассоциируется с образом бушующего моря. Противопоставляется этому миру иное пространство после смерти, дающее человеку надежду на обретение счастья и покоя в небесном мире, ассоциирующемся с образом долгожданного берега, долиной спокойствия, настоящей жизнью (явью). Небесное пространство, куда попадает человек после смерти, наделяется у Карамзина дополнительным смыслом. Оно оказывается желанным не только потому, что там душа человека соединяется с Богом, но также и потому, что там можно обрести встречу с друзьями и близкими, покинувшими земной мир.

Библиографический список

1. *Аржанухин С.В.* Философские взгляды русского масонства: по материалам журнала «Магазин свободномасонщического». – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995.
2. *Вечерняя заря.* Ч. 1. Январь – апрель. – М.: Университетская тип. у Н. Новикова, 1782.
3. *Вечерняя заря.* Ч. 3. Сентябрь – декабрь. – М.: Университетская тип. у Н. Новикова, 1782.
4. *Карамзин Н.М.* Полн. собр. стихотворений / вст. ст, подг. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. – М.; Л.: Сов. писатель, 1966.
5. *Кросс А.* Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // XVIII век. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. – Л.: Наука, 1969. – С. 210–228.
6. *Лотман Ю.М.* Поэзия Карамзина // Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений / вст. ст, подг. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. – М.; Л.: Сов. писатель, 1966. – С. 5–52.
7. *Утренний свет.* Ч. 5. Январь – апрель. – СПб., 1779.
8. *Утренний свет.* Ч. 7. Сентябрь – декабрь. – М.: Университетская тип., 1779.
9. *Утренний свет.* Ч. 8. Январь – май. – М.: Университетская тип., 1780.